

Л.И. Миссонова, З.П. Соколова

**ФЕНОМЕН УСТОЙЧИВОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИФИКАЦИИ УЙЛЬТА В КОНТЕКСТЕ
ЭТНОНИМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ
СЕВЕРА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI В.)**

Уйльта – коренной малочисленный народ Сахалина, более известен в советской научной литературе как “ороки”. Северная группа уйльта расселена в основном на территории Ногликского р-на Сахалинской обл. При общей численности населения этого района в 14 700 чел. (2001 г.) к “малочисленным народам Севера” принадлежали 1107 чел., включая 848 нивхов, 169 ороков/уйльта, 85 эвенков, 4 нанайцев, к категории “другие” отнесен 1 чел. Южная группа уйльта обитает преимущественно на территории Поронайского р-на. При общей численности населения этого района (2001 г.), равной 35 300 чел., в 7 населенных пунктах жили 463 представителя малочисленных народов Севера. Из них – 164 орока/уйльта, 152 нивха, 28 эвенков, 111 нанайцев, 8 других представителей северных народов. (Народы перечислены в том порядке, в каком они представлены в официальных документах.)

Нивхи как в прошлые века, так и сейчас занимаются рыболовством и морским зверобойным промыслом. Эвенки до середины 1990-х годов занимались оленеводством, в настоящее время эта отрасль хозяйства у них распалась окончательно. И нивхи, и нанайцы, равно как и другие народы Севера, развивают ныне рыболовство в новых формах (“родовые хозяйства” и пр.). Кроме того, овощеводство вошло в систему жизнеобеспечения среди нанайцев, южной группы уйльта и иных перечисленных народов. По найму представители уйльта и других народов Севера чаще всего работают на временных сезонных работах.

**Особенности возникновения и бытования эндо-
и экзоэтнонимов**

Живя в тесном общении с другими народами, уйльта естественно испытывали в прошлом, как и ныне, влияние иноэтнической среды (Миссонова 1995). Не случайно длительное время местные жители называли их “орочонами”, хотя исконное самоназвание их – *уйльта*¹.

Вся эпопея уйльтинской этнической идентификации весьма специфична: экспедиционные материалы в сопоставлении с документами официальной статистики и данными государственных переписей населения приводят к мысли, что именно путаница названий во всех официальных документах, навязывание разными поколениями чиновников многочисленных, но отнюдь не всегда оправданных этнонимов, неточные данные, приводимые исследователями разных стран, привели к тому, что “орочёны” потребовали в конце концов признать официально их самоназвание *уйльта*.

Название “орончон”, “орочон” или “орочен” представляет из себя искаженное маньчжурское слово “орунчун”, означающее “оленный народ” (по-тунг.: *орон* – ручной олень); оно применялось маньчжурами для обозначения разных тунгусоязычных племен, державших оленей, как-то: бродячих тунгусов, ороков, манегров и др. При первом знакомстве русских с “тунгусоязычными общностями”, “ездившими и возившими груз на оленях”, они назвали их “оленными тунгусами”, на часть которых они впоследст-

Людмила Ивановна Миссонова – кандидат исторических наук, куратор многоотной этнологической серии “Народы и культуры” Института этнологии и антропологии РАН.

Зоя Петровна Соколова – доктор исторических наук, профессор, советник Института этнологии и антропологии РАН.

вии, с конца XVIII в., перенесли маньчжурское имя “орунчун”. В основе многочисленных названий интересующего нас народа лежит либо слово “орон” (Патканов 1906: 2–3), либо “ула(а)”, по объяснению А. Маевича – одомашненный олень на языке ороков (Маевич 1994: 12–13). Это связано с тем, что оленеводство играло важную роль в системе жизнеобеспечения уйльта.

Традиционное хозяйство уйльта в литературе характеризуется как оленеводческо-охотничье, имеющее много черт, сходных с хозяйством эвенков и эвенов. Однако длительное пребывание на Сахалине привело уйльта к необходимости приспособиться к жизни на морском побережье и выработать ряд оригинальных черт культуры и быта, существенно отличающих их от других оленеводческих народов. В жизни уйльта важную роль стали играть рыболовство и морской зверобойный промысел; быт их не был чисто кочевым, как отмечалось выше, и приобрел много элементов оседлости. К концу XIX в. южная группа народа в основном уже лишилась оленей и занималась рыболовством, морским зверобойным промыслом, таежной охотой. Оленеводство у всех уйльта имело небольшие масштабы и, как считал А.И. Кузнецов, основываясь на данных экспедиции Н.К. Бошняка, имело транспортный характер (Кузнецов 1999: 42–44; Бошняк 1858: 189–190).

Советские исследователи различали ульчский, ороцкий, орокский и другие языки тунгусо-маньчжурских народов Севера России. Орокский язык рассматривался языковедами в разные времена как отдельно бытующий, отличный от других, хотя и включенный в одну группу в прошлом бесписьменных тунгусо-маньчжурских языков². Из этого явствует неправомерность составления инструкций для работников советских переписей, по которым человека, говорившего на орокском или ороцком языках, записывали как представителя национальности “ороч”. По материалам переписи населения 1989 г. К.М. Мусаев отмечал, что среди “ороков” (их значит около 200 чел., тогда как “орочей” – около 900 чел.) считают родным язык своей национальности 44,7%, свободно владеют русским языком – 40% от общего числа представителей данного народа, владеют другими языками – 3,1% (Мусаев 1993: 235). Невозможно по этим данным определить, каким “родным” языком владели случайно отнесенные к орочам представители другого народа, также и невозможно понять, почему вдруг “родным” языком для ороков мог стать язык другого народа – ороцкий.

Л.Я. Штернберг, сопоставляя сахалинских ороков с орочами Татарского побережья, пришел к решению, что четыре народа Амурского края – ороки, орочи, мангуны и гольды – называли себя одинаково – “нани”, и, следовательно, несомненно, составляли одно племя (Штернберг 1933: 397). Однако, как показали более поздние исследования лингвистов, антропологов и археологов, указанное самоназвание у ороков отсутствовало: они называли себя *ульта*, *ульча* (Петрова 1967: 6–9). Нет слова “нани” и в словаре орокского языка, содержащего 3 тыс. слов, который составил Б. Пилсудский (Pilsudski's glossary 1985). Однако необходимо заметить, что в словаре орокского языка Л.В. Озолина и И.Я. Федяевой, вышедшем в 2003 г., одним из самоназваний ороков считается “нан’н’ен’у”, что буквально переводится как – “земля человек – ее” (Озолина и др. 2003: 103).

А.В. Смоляк подвергла критическому анализу гипотезу о племенном единстве всех народов тунгусо-маньчжурской языковой группы этого региона, в том числе и ороков, на основании их общего самоназвания “нани”. Она пришла к выводу, что самоназвание орочей Тумнина было не “нани”, а “орочи”, “орочи-сал” (производимое ими самими не от *орон* – олень, как думали многие исследователи, а от *ороко* – медвежонок). Хотя тумнинским орочам самоназвание “нани” было известно от их соплеменников, живших на р. Хунгари и имевших давние контакты с нанайцами Амура, они называли себя *орочи*, *орочи-сал*. Не называют себя термином “нани” и удэгейцы. Таким образом, по утверждению А.В. Смоляк, теория о племенном единстве тунгусоязычных на-

родов Нижнего Амура и Сахалина, основанная на единстве их самоназвания, оказалась недостаточно обоснованной (Смоляк 1975а: 43–44).

В одних и тех же документах начала 1930-х годов использовались поочередно три наименования народа – наравне с “ороченами”, “ороками” употреблялось и “ульта”. Так, в одном из Протоколов заседания Президиума Сахалинского окружного Исполнительного Комитета (1931 г.), посвященного обсуждению плана проведения “концентраций туземцев” в “оседлых” и “кочевых пунктах”, и в Объяснительной записке Уполтузделами приводятся такие данные: «По итогам переписи 1931 г. по Сахалинскому Округу учтены «малые народы (в другом документе значатся “народности”. – Л.М. и З.С.) Севера в составе 4-х племен в количестве 2139 человек: Гиляков – 1760 ч., Тунгусов – 200 ч., Орочен – 144 ч., Якутов – 35 ч.». В другой Объяснительной записке Уполтузделами написано: “На территории Сахалинского Округа учтено кочевого населения 379 человек; из них тунгусов-эвенки 200 чел., ороки-ульты 144 чел., якутов-соха – 35 чел. при 91 хозяйстве” (РГИА ДВ).

Начиная с Переписи 1897 г., возникает постоянная неразбериха с численностью народа из-за потери самоназвания. Перепись 1897 г. зарегистрировала на Сахалине 749 “орочон”. В 1905 г. южная часть Сахалина отошла к Японии, а с 1920 по 1925 г. и северная его часть находилась под японской оккупацией. Перепись 1926–1927 гг. проходила, естественно, только на территории советского, т.е. северного Сахалина. Численность интересующего нас народа по этой переписи составила 162 чел. (Всесоюзная перепись 1926 г.; Кузнецов 1999: С. 39–41). В переписи 1959 г. ороки (т.е. ульты) также ошибочно были причислены к “орочам”. Однако, по данным А.В. Смоляк, проводившей в 1963 г. полевые исследования, на южном Сахалине насчитывалось 160–170 ороков (Смоляк 1965: 29). В переписи 1979 г. ороки вновь были названы орочами, перепись зарегистрировала их в Ногликском (132 чел.) и в Поронайском (144 чел.) районах Сахалина, т.е. в местах расселения именно ульты. Всего их насчитывалось 317 чел.

В 1986 г. областными организациями была предпринята попытка обмена паспортов с указанием в новых паспортах национальности “орок” вместо орочен. Эта акция встретила сильное сопротивление со стороны коренного населения, и областные власти были вынуждены отменить свое решение. Перепись 1989 г. также не избежала ошибок предыдущих переписей. Согласно инструкциям этой переписи, человек, назвавший себя ороченом или орочем, мог быть записан и ороком, и орочем. К орокам по инструкции относятся: улты, ултыча (с родным языком орокским), орочен (с родным языком орокским), ороч (с родным языком орокским); а к орочам – ороч (с родным языком орочским), орочен (с родным языком орочским), орочисэл. Созвучие слов, определяющих язык – “орочский” или “ороченский” (как это чаще всего произносили опрашиваемые представители народа) и отсутствие в инструкциях родного языка “ороченский” вели к тому, что человек, у которого родной язык – “ороченский”, попадал к орочам. Кроме того, учитывая то обстоятельство, что почти все представители северной группы этого народа имели в то время самосознание “орочен” – их всех и записывали в переписи как “орочей” (согласно инструкции).

Таким образом, инструкции не только не помогли переписчикам правильно выявлять национальность, но даже способствовали подмене одной национальности другой. Кроме того, совпадение обозначений женщин этих национальностей – “орочка”, а также этнологическая безграмотность организаторов переписи и переписчиков привели к тому, что на Сахалине кроме 129 ороков были зарегистрированы 212 орочей, причем 136 из них в пос. Вал (до данным Валовского сельсовета), где не было фактически ни одного ороча, а в паспортах коренного населения была записана национальность “орочен”, “ороченка” (Всесоюзная перепись 1989 г.). Отсюда следует, что 341 чел., отмеченные в переписи как “ороки” и “орочи”, на самом деле были представителями одного народа.

Попытки навязать народу чуждое ему название привели к проявлению “дремавшего” до поры этнического самосознания. Люди стали добиваться официального признания народа как *ульта* (по самоназванию народа). В результате в 1990 г. были приняты обращения в Верховный Совет СССР с требованием “вернуть” (точнее – установить, слово “вернуть” использовалось в обращениях) народу их самоназвание “ульта” в качестве официального использования этого определения во всех государственных документах. В первой переписи населения России III тысячелетия данный народ отражен впервые как *ульта*. По оперативным статистическим данным Всероссийской переписи населения 2002 г. их насчитывается 346 чел. (Госкомстат 2002).

В официальных документах 2001 г. ульта фиксировались уже как “ороки (ульта)”, а в паспортах, выданных в советский период, в большинстве случаев зафиксирована национальность *орочен(ка)*, *орочон(ка)*, редко – *ороча*, *ороч*, в единичных случаях (в одной семье, которой успели обменять паспорт в 1986 г.) – *орок*. Указание в официальных документах национальности “орочен, ороченка” наложило определенный отпечаток на восприятие современным поколением своей этнической принадлежности. На Северном Сахалине национальность *орочен/ороченка* была впервые записана в паспорта в 1932 г., на Южном Сахалине – после 1945 г. А между тем люди старшего поколения в конце XX в. однозначно считали себя ульта. Опросы, проведенные Л.И. Миссоновой в 1990–1991 и в 2001–2004 годах, показали, что самоидентификация выражается в двух вариантах: “орочен(ка)” или “ульта/ульта”.

Попытка замены национальности “орочен” на “орок”, видимо, была вызвана необходимостью исправить абсурдность ситуации, когда государство выдает представителям этнической общности паспорта с указанием одной национальности, а во всех государственных документах фиксирует этих же людей под совершенно другим наименованием. В итоге эта несовершенная акция, ставшая очевидной по результатам переписи 1989 г., привела впервые к тому, что народ, как это уже отмечалось, потребовал называть себя таким именем, которое хранилось в народной памяти на протяжении всех минувших эпох.

Возрождение этнонима ульта

В период переписи 1989 г. большинство людей данной этнической принадлежности не называли себя “ульта”, но память об этом имени сохранилась в семейных преданиях. В сложившейся довольно запутанной обстановке им не оставалось ничего более разумного, как добиваться официального признания именно такого названия своего народа. Неизвестно, возникли бы необходимость и желание поменять свое официальное этническое наименование, если бы не было попыток со стороны государства называть их официально ороками или отнести к другому народу – орочи. Ведь наименование “орочены” воспринималось многими поколениями ульта совершенно естественно. Влияние государственных установок на самоидентификацию в данном случае очевидно. И только в конце XX – начале XXI в. народ впервые в его истории потребовал официальной своей идентификации как “ульта”. Акт официального переименования народа свершился.

Ныне самосознание “ульта” присутствует не только у представителей старшего поколения, но и большого числа молодежи. Впрочем, многие представители этого народа осознают себя в настоящее время как “орочены-ульта” или “ульта-орочены”. Перепись 2002 г. подтвердила сложность процесса самоидентификации ульта: 190 чел. назвали себя “орочены”, 72 чел. – “ульта”, 42 – “ульта” и 37 – “ульта (ороки)” (Госкомстат 2002).

Итак, полевые, архивные и литературные материалы демонстрируют, как этот малочисленный народ стремится к возрождению языка и культуры, сумел добиться официального признания своего этнонима после почти столетнего существования иного

названия, вошедшего в официальную практику. И все это свершилось несмотря на огромные изменения в жизни уйльта: смену государственных режимов на острове³, коллективизацию, укрупнение хозяйств и селений, смешанные браки, уменьшение численности, процессы аккультурации и ассимиляции, утрату традиционных отраслей хозяйства, языка и многих черт традиционной культуры, но особенно – путаницу в этнонимике.

Над данным феноменом стоит поразмышлять*.

Проблемы этнонима “уйльта” на общесибирском фоне

Можно сказать, что идентификация уйльта напрямую зависит от этнического окружения. Например, от того, как их называют соседи – представители большого числа народов, по разным причинам попавших на Сахалин: в период Российской империи (каторга и ссылка), в советское и постсоветское время. Есть зависимость и от аспектов социальной и национальной политики государства (предоставление льгот и пр.). Но то же самое можно говорить и в отношении любого другого народа. А в чем специфика уйльтинской этнической идентификации? Без сравнения с другими народами Севера России в этом случае не обойтись.

Рассмотрим ряд примеров, касающихся коренных малочисленных народов Севера России.

Прежде всего отметим, что современные официальные названия Коренных малочисленных народов Севера (КМНС) были утверждены между 1926 и 1933 годами (Соколовский 2004: 143–144): во Временном Положении об управлении туземными народностями и племенами Северных окраин РСФСР⁴ к этой категории было отнесено 37 групп населения или 27 современных народов. Среди них 14 народов с современными этнонимами – долганы, кеты (кето), сойоты, юкагиры, чуванцы, чукчи, негидальцы, орочи, тазы, коряки, ительмены (камчадалы), эскимосы, алеуты, коряки (в этом списке не было саамов). В Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 20 августа 1933 г.⁵ перечислены 22 народа с современными названиями: саамы, манси, ханты, ненцы, нганасаны, селькупы, эвенки, негидальцы, нанайцы, удэгейцы, орочи, чукчи, коряки, юкагиры, чуванцы, эскимосы, алеуты, кеты, нивхи, долганы, тофалары, энцы.

В 1950–1960-х годах формировался официальный список из 26 “малых народностей Севера”, в который вошли также ительмены, ороки, ульчи, эвены.

В список “Малочисленных народов Севера, Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера” в 1992 г.⁶ вошли кроме перечисленных еще вепсы, коми-пермяки, камчадалы, шорцы, телеуты, кумандинцы, калмаки (Соколовский 2004: 146).

До революции народы Севера назывались по-разному – туземцы, инородцы, ясачные (Соколовский 2004: 127–142), а также по многочисленным названиям и самоназваниям народов.

Саамов раньше называли лопарями (от финского *лопъ*, *лопарь* / *lare*, *larpen* / – “место”, “сторона”). В начале 1930-х годов был утвержден их этноним *саамы*, *саами* – от самоназвания *саами*, *саме*, *саимь* (точный перевод не ясен) (Народы 1964: 377; Лукьянченко 1994: 310; Северная энциклопедия 2004: 837).

Манси и хантов раньше (еще до 1920-х годов) называли остяками и вогулами (так их иногда называют и сейчас в научной, особенно зарубежной, литературе). Их современные названия-этнонимы, которые начали утверждаться с начала 1930-х годов, произошли от общего самоназвания *манси* и самоназвания северной группы хантов – *ханты* (восточные называют себя *кантэк*, *кантэх*). Некоторую роль в этом сыграло

* Привлекая сравнительный материал по народам Севера, авторы статьи не претендуют на полную разработку данной проблемы. Главная задача – привлечь внимание исследователей к этому феномену.

и нередкое производство термина *остяк* от татарского *истек*, *уштяк*, *иштек*, а термин “вогул” считали коми-зырянским по происхождению. Содержание того и другого названия имело несколько пренебрежительный оттенок – “дикий”, “невежественный”, “непокорный”.

Другим фактором утверждения в практике нынешних самоназваний было создание в советское время Ханты-Мансийского национального (автономного) округа и ведение всех официальных дел с использованием данных этнонимов. Отметим, что за пределами округа манси в Свердловской обл. до сих пор именуют себя вогулами, а ханты в Томской обл. – остяками. Введение единых этнонимов было вызвано также тем, что у хантов и манси было много групп, именовавших себя по местности (чаще всего – по речкам, на которых они жили) (Соколова 1961: 46. Примеч. 9; Соколова и др. 1983). Введение единых этнонимов для народов Севера происходило в 1920–1930-х годах в связи с разработкой письменности для них при активном участии ученых (В.Н. Чернецов, Т.Н. и Е.Д. Прокофьевы и др.).

Ненцев до 1926 г. называли “самоедами”, “юраками”, сами себя они различали по многочисленным родовым названиям и территориальным группам (канинские, тиманские, гыданские, ямальские и др.). В 1920-х годах был введен единый этноним – “ненцы” от самоназвания *ненэц* (“человек”). В его закреплении также большую роль сыграло создание трех Ненецких округов. К тому же старое название “самоед” нередко неправильно переводили как “сам себя едящий”, что носило обидный оттенок. Кроме того, самоедами называли еще энцев и нганасан (Народы 1956: 608; Соколова и др. 1983: 80–81; Хомич 1995: 25–29; Васильев 1994: 249; Северная энциклопедия 2004: 633).

Энцы, в прошлом известные как хантайские и карасинские самоеды, племена *маду*, *пэ-бай*, получили свой этноним в начале 1930-х годов от самоназвания *энэтэ*, *эннэчэ* (“человек”, “мужчина”) (Народы 1956: 661; Соколова и др. 1983: 81; Северная энциклопедия 2004: 1127). Так они были выделены из среды прочих самодийцев, официальное использование этого этнонима (в переписях, официальных документах, научных трудах) закрепило его бытование.

Нганасаны – тоже новый, известный лишь с начала 1930-х годов, термин, при этом не очень связанный с их самоназванием – *ня*. Раньше их именовали авамскими, вадеевскими, тавгийскими самоедами (“самоядь”). Слово “нганасаны” происходит от термина *нгэнэ’са* (“товарищ”), который неправильно переводили как “человек” (Долгих 1952; Северная энциклопедия 2004: 621).

Сложнее оказалось с этнонимом *селькуп*. Он был образован от самоназвания северной группы *солькуп* (р. Таз), *шолькуп* (р. Турухан), означавшего “таежный человек”. Нарымские (южные) селькупы называли себя по-разному: на р. Тым – *чумылькуп* (“земляной человек”), на р. Кеть – *сюс-се-кум* или *шюш-кум* (“таежный человек”) (Народы 1956: 666; Васильев 1994: 312; Северная энциклопедия 2004: 882). До 1917 г. их, как и хантов, называли остяками. Вплоть до 1990-х годов у них бытовали самоназвания групп, а также термин “остяк”. Термин “селькупы” применялся лишь в официальной практике (в основном – в переписях и научных работах). У них не было своего административно-национального образования, они рано (еще в XIX в.) подверглись обрусению, утратили родной язык и многие черты национальной культуры (Соколова 1961; 2004; Соколова и др. 1983: 80; Шаргородский 1994). Тем не менее с 1990-х годов общий этноним *селькуп* стал все более утверждаться в официальной практике (районных и областных документах) и в быту. Это было связано с оживлением национального движения за возрождение родного языка и культуры, особенно после организации регионального отделения Ассоциации КМНС “Колта-куп”. В ее создании и утверждении этнонима *селькуп* немалую роль сыграли этнографы (В.И. Васильев и др.). Напротив, Всероссийская перепись 2002 г. показала лишь единичные случаи употребления старых этнонимов (Шаховцов, Функ 2000).

Остяками (енисейскими) называли прежде и кетов. У них были распространены и местные названия – *инбаки*, *богденцы*, *земшаки*. В 1930-х годах за ними был закреплён их этноним *кет* (“человек”) (Народы 1956: 687; Алексеев 1994а: 194; 1994б: 189).

Эвенов и эвенков еще в начале XX в. называли *тунгусами* (якутское название), эвенов еще и *ламутами* (от “ламу” – море), различая их по родовым группам, а также многочисленным названиям, которые давали им другие, соседние народы: эвенки – *орочоны*, *манегры бирары*, *солоны*, *хамниганы*, эвены – *илкан*. Эвены называли себя *орочел*, *мэнэ*, эвенки – *илэ* (“человек”), забайкальские оленеводы – *орочёнами*. В 1930-х годах были образованы единые этнонимы для каждого из этих народов – *эвены* (от самоназвания *эвэн*, *овэн*) и *эвенки* (от самоназвания одной из групп *эвэнки*) (Народы 1956: 702; Туголуков 1970; Соколова и др. 1983: 81–86; Горохов 1994: 416; Кочешков 1994: 419; Жорницкая и др. 1997: 77–79; Андерсон 1998). Этноним *эвенки* закрепился благодаря созданию Эвенкийского автономного округа.

Самоназвание долган – *нака (саха)*, *дулгаан*. Последнее (название одного из родов) легло в основу современного этнонима (Народы 1956: 742; Соколова и др. 1983: 86; Васильев 1994: 149; Северная энциклопедия 2004: 256).

Две группы чукчей (оленные и береговые) имели разные самоназвания – *чавчу* (“оленные”) и *анкалын* (“морской житель”), а также общее самоназвание *лыгъоравэтлян* (“настоящий человек”). От последнего в конце 1920-х годов было образовано название *луоравэтлан*, которое не прижилось. Сохранился этноним *чукчи* (от *чавчу*), чему способствовала организация Чукотского АО.

Юкагиры раньше различались по многочисленным названиям групп, в том числе родовым – *чуванцы*, *ходынцы*, *омоки*, и др. Их самоназвание *одул*, *вадул* (“могучий”, “сильный”). Известны названия *этэл*, *этэл* (так чукчи называли чуванцев). Русские заимствовали их название с якутского – *юкагиры* (вероятно, тунгусского происхождения). Это название в 1930-х годах и было принято за официальный этноним (Народы 1956: 886; Соколова и др. 1983: 87; Горохов и др. 1994: 428; Северная энциклопедия 2004: 1140).

В свою очередь чуванцы, известные ранее как чуванский род юкагиров (самоназвание – *этэл*, *атал*, *этэл*), в значительной степени обрусели, особенно оседлые. Кочевые чуванцы имели много общего с соседями-чукчами. С 1959 г. чуванцев не выделяли в переписях, очевидно, их включали в состав русских и чукчей. В 2000 г. они получили статус Коренных малочисленных народов (КМН) Российской Федерации (ПП РФ 2002, № 255; Гурвич 1999: 4–11; Батьянова, Горохов 1994: 403; Северная энциклопедия 2004: 1068).

Коряки не имели общего самоназвания. Две их группы называли себя *чавчыв*, *чавчывав* (“оленные”) и *нимылтын*, *нымычу* (“приморские”). От последнего в 1920-х годах был образован общий этноним *нымыланы*, который также не закрепился в жизни. Сохранилось появившееся в XVII в. название *коряк* от корякского “кор” (“олень”) или “корак” (“у оленей находящийся”) (Народы 1956: 950; Тураев и др. 1994: 206; Северная энциклопедия 2004: 424).

В 2000 г. статус КМНС РФ получили керекы – очень немногочисленная этническая группа в Чукотской АО (их самоназвание – *карыкыкку*, чукотского происхождения, в 2002 г. – 8 человек) (Северная энциклопедия 2004: 368), а также *алюторцы* – группа коряков, живущая в Корякской АО, отличающаяся особым диалектом (в 2002 г. – 20 человек)⁷. Интересы керекы отстаивал В.В. Леонтьев, в признании их самостоятельности сыграла роль его научная монография, им посвященная. Интересы алюторцев представлял один из их депутатов Верховного Совета СССР. Они вошли в единый перечень 2000 г. и в перепись 2002 г.

Считается, что эскимосы тоже не имели общего самоназвания; они именовали себя по местности или селению, в котором жили (*науканцы*, *сиреникцы* и др.). У азиатских

эскимосов были названия *югыт* (от *юк* – человек), *юпигыт*, *юпик* (“настоящие люди”). В 1931 г. было введено их общее название *юиты*, известное с конца XIX в. Но все они не вошли в официальную практику, в 1933 г. было введено в обращение название *эскимосы* (от слова *эскимо* – “сыроед”, “поедающий сырое мясо”, как их называли индейцы-атабаски) (Народы 1956: 934; Меновицков 1959: 15–16; Кочешков 1994: 421; Северная энциклопедия 2004: 1131). В конце XX в., когда усилились связи азиатских эскимосов с американскими и гренландскими (обменные поездки, общие конференции и конгрессы, объединительные организации), в отличие от зарубежных эскимосов, называющих себя *инуит* (*инук* – человек), российские эскимосы стали именовать себя *юпик*.

У алеутов был общий этноним *негоске*, *негогахве*. Но они были малоизвестны, и их именовали по группам – *унанган* (“восточные”) и *сасигнан* (“прибрежные жители”). Когда они встретились с русскими в XVIII в., они часто называли себя *алеи'тхух*, что означает “община”, “отряд”, “войско”. От него и возникло название *алеуты*, известное в XVIII–XIX вв. (Народы 1956: 986; Ляпунова 1987: 9 185; Ляпунова 1994: 81; Ляпунова 1999: 21; Северная энциклопедия 2004: 21).

Ительмен, *ительмень* (от *итэнмэн*, *итэнмын* – “житель”, “живущий человек”, “тот, кто существует”) – общее самоназвание ительменов, известное с XVIII в. Однако с XVII в. до 1920-х годов их именовали камчадалами (Народы 1956: 978; История 1990: 3; Мурашко 1999: 60–82). Со временем усилились процессы их метисации за счет браков с соседними народами – русскими, якутами, эвенями, коряками. В 1927 г. их разделили на две группы: живущих на территории будущего Корякского автономного округа отнесли к малым народам Севера *ительменам*, а живущих южнее, на Камчатке причислили к русским. Камчадалы Магаданской обл. получили свое официальное название в 1920-х годах, но в 1970-х годах их также причислили к русским (*Хаховская* 2003; *Сирина* 2005: 88–90). В конце 1980-х – начале 1990-х годов камчадалы стали бороться за восстановление их в списке малочисленных народов России и получение статуса КМНС, а часть камчатских камчадалов – считали правильным отнесение их к ительменам. Это было достигнуто в 2000 г.⁸

Современные названия южных малочисленных народов Сибири – *тофаларов* и *тувинцев-тоджинцев* связаны с их этнонимами – *тофа*, *топа*, *тоха*, *туба*, *тыва*, *тува*, *туха* – от древнего *дубо* тюркоязычных племен (Народы 1956: 421, 530; *Вайнштейн* 1961: 28–29, 33–35; 1994: 335, 337; *Вайнштейн и др.* 1997: 6; Северная энциклопедия 2004: 949, 958). До 2000 г. в официальных документах тувинцы-тоджинцы не выделялись: их включали в состав тувинцев.

Шорцы образовывали свои названия от имен речек или местностей (*мрас-кижи* – “люди р. Мрас”, *молдум-чоны* – “люди р. Кондома”, *чыш-кижи* – “люди тайги”), а также по именам родов (*Аба-кижи* и др.), одно из них – *Шор* – по инициативе В. Радлова дало этноним для всего народа (Народы 1956: 493; *Патрушева и др.* 1994: 413; Северная энциклопедия 2004: 1094).

Сложнее обстоит дело с самоназваниями других южносибирских народов, известных с 1930-х годов под общим именем *алтайцы*. Этот этноним, введенный искусственно, прижился лишь в южной группе *алтай-кижи*, так как сложения всех групп в единый этнос в XX в. не произошло. Некоторые именовались по-разному: *кумандинцы*, *тубалары*, *челканцы*, *телеуты*, *теленгиты* (Народы 1956: 329; *Батъянова* 1995: 50 и далее). В конце 1980-х – 1990-е годы телеуты, кумандинцы и другие тюркские народы Саяно-Алтая образовали свои ассоциации и стали бороться за то, чтобы их признали самостоятельными этносами и на этом основании включили в КМНС. Это было осуществлено в 1993 и 2000 г. Все они отражены во Всероссийской переписи 2002 г.

Особенно бурно и интересно этот процесс проходил у телеутов. Раньше они были известны под названиями “инородцы”, – *телеуты*, *татары*, *калмаки*. По мнению Д.А. Функа (*Функ* 1999: 112–113), у них существовало не менее 6 уровней (видов) само-

идентификации, не считая родового: 1) по патронимии, 2) по месту жительства (*най-аттар*), 3) основное самоназвание *теленгет*, *теленгеттер*, 4) при общении с русскими – *телеут* (от западно-монгольского *теленгут*), 5) в советское время – алтайцы, 6) общее для тюркоязычных народов Южной Сибири – *тадар-кижилери*, *тадарлар*, *татары* (Батъянова, Функ 1994: 331; Батъянова 1979: 92–110; Батъянова 1995: 84–86, 97–99; Батъянова 1997: 148–158; Северная энциклопедия 2004: 939). В 1920–1930-х годах они добивались создания национального Телеутского р-на.

В советское время в паспортах и переписях телеутов чаще всего записывали татарами, а также алтайцами, шорцами, русскими. В конце 1980-х годов отдельные представители телеутского народа активно выступили в прессе за признание их телеутами и включение в КМНС. Это было осуществлено в 1993 г. благодаря общим усилиям как самих телеутов – их ассоциации и их лидеров – так и ученых-этнографов (Е.П. Батъянова, Д.А. Функ) (Батъянова 1997: 159; Функ 1999: 114–124).

Обратимся к соседним с уйльта народам Приамурья, Приморья и Сахалина. В прошлом у них не было общих самоназваний, так как не было единых этнокультурных общностей. Этому препятствовали дисперсность их расселения, обилие диалектов и говоров, специфика культуры (Смоляк 1975б: 220–221). Лишь в советское время у них начало складываться общее национальное самосознание.

Если принять версию об общем некогда самоназвании нанайцев, ульчей, орочей – *нани* (что может свидетельствовать об их близости по происхождению и культуре), то стоит заметить, что лишь нанайцы в начале 1930-х годов получили официальный этноним с этим корнем, в прошлом их называли *гольдами* (людьми, живущими выше по реке, именно так их называли ульчи). Известны были и другие их названия – *киле*, *аккани*, *нанайцы* (от *нани*, *нанай* – “местный”, “здешний”, “человек Земли”) (Народы 1956: 787; Смоляк 1975б: 49; 1994а: 239).

Ульчей (*нани*) раньше называли *мангунами* (Мангу – р. Амур на языках амурских народов), *гилями*. Л.Я. Шренк ввел этноним *ольчи*, считая их родственными с уйльта и ольча (ороками) (Народы 1956: 817; Смоляк 1975б: 35–37; 1994а: 366; История 1994: 15). Орочи называют себя по местности, по именам родов, нанайцы называют их *нани*. Их самоназвание – *орочисэл* (от *орон* – “олень” или “оро”, “ороко” – медвежонок) (Народы 1956: 844; Смоляк 1975б: 37; 1994а: 260).

Этноним удэгейцев образован от их старинного названия *удээ*, *удеэ*, *уддэ* или *удихэ*, *удехэ*, *удэгэ*, хотя их тоже называли раньше по-разному (*орочены*, *тазы*) (Народы 1956: 831; Смоляк 1994а: 352). Китайцы в прошлом называли тазов – “людьми в рыбьей коже” *юй-ни-тадза* (Северная энциклопедия 2004: 929–930).

У негидальцев было два самоназвания – *илкан бэенин* и *амгун*, *амгунен* (“здешний”, “местный”). В начале 1930-х годов их современное название было образовано от термина *негда*, *нгегида* (“береговой”, “крайний”), которым их именовали тунгусские соседи (Народы 1956: 776; Смоляк 1975б: 59, 61; 1994а: 244).

Нивхи выделялись среди всех этих народов своим языком. В прошлом их называли *гиляками* (от тунгусского *кили*) или *гилэми*, *гилэкэ*, как их именовали ульчи, негидальцы, нанайцы и орочи (Таксами 1967: 5–6). Много разных самоназваний у них было и по местности, в которой обитали те или иные их группы. *Нивх*, *нивхгу* – их общее самоназвание, что означало собственно “человек”, *ныг'вынг* – здешний (Народы 1956: 861; Смоляк 1975б: 37; Таксами 1994: 253).

Из всех приведенных здесь материалов вытекает несколько выводов. Во-первых, до 1920 – начала 1930-х годов у большинства народов Севера не было единого этнонима-самоназвания. Более того, существовало много разных названий у одного и того же народа (по диалектным группам, названиям местности, родов, по названиям, которыми его именовали соседи) (Соколовский 2004: 56). Во-вторых, процессы нацистроительства в советское время и требования официального учета народов (для переписей населения, ведения официальных бумаг) вызвали необходимость унификации на-

званий народов Севера (Соколовский 2004: 51–60). Поэтому правительственными актами утверждали названия народов. В-третьих, этнонимы утверждались чаще всего с подачи ученых – этнографов и лингвистов, к примеру, Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых, В.Н. Чернецова, А.В. Анохина, Б.О. Долгих и др. (Андерсон 1998). В результате такой разносторонней деятельности многие народы получили в качестве официальных этнонимов свои собственные самоназвания или образованные от них. Таковыми стали официальные этнонимы *саамы, ханты, манси, ненцы, энцы, кеты, эвены, камчадалы, ительмены, тофалары, тувинцы-тоджинцы, телеуты, орочи, нанайцы, удэгейцы, нивхи*. Однако некоторые из предложенных этнонимов не прижились – *луораветланы, нымыланы*.

Другие названия народов были образованы на основе иных соображений. Так, часть народов получила свои этнонимы, восходящие к различным понятиям в их языках, но не служившие самоназваниями (“товарищ” у нганасан, “войско”, “община” – у алеутов). Группа народов получила официальные этнонимы по названию одной из своих групп – *селькупы, эвенки, чукчи, шорцы, долганы, чуванцы*. Ряд этнонимов оказался образованным от названий, которыми данный народ именовали соседи – *коряки, эскимосы, юкагиры, тазы*. Наконец, у группы народов (в том числе Приамурья, Приморья и Сахалина) конструировались этнонимы, не связанные с их собственными самоназваниями или названиями их групп, – в частности, это ороки и ульчи.

В закреплении многих этнонимов в советское время большую роль сыграла государственная национальная политика. Создавались национальные округа (первоначально – также и районы), названные по этнонимам – Ненецкий, Эвенкийский, Ханты-Мансийский и другие округа (следовательно, проведенные административные границы подчас решали вопросы идентификации народов, как это случилось с упоминавшимися выше хантами). Имела значение политика льгот для КМНС (Функ 1999: 117–118; Шаховцов, Функ 2000: 318–321; Сирина 2005: 101–103; Тишков 2005: 5). Наконец, сыграла свою роль паспортная система и система переписей населения, его общего учета. Кроме этого, в рамках определенных административно-национальных образований (округов, районов) в условиях трансформационных процессов в хозяйстве и культуре КМНС, их вовлечения в общественный труд, ассимиляционных и миграционных процессов, повышения частоты смешанных браков возникали самые различные контакты между носителями разных культурных навыков. В результате шли консолидационные процессы, а именно формирование отдельных этнокультурных общностей. Шел естественно-исторический процесс развития этносов (Дискуссия 2005: 25–101). Новые этнонимы у одних народов, либо исконные – у других, постепенно стали превращаться в самоназвания.

В постсоветское время, с начала 1990-х годов, эти процессы усилились за счет оживления борьбы КМНС за выживание, за развитие традиционного хозяйства (охоты, рыболовства, оленеводства, собирательства, морского зверобойного промысла). Одновременно пробуждался интерес к родным языкам и культурам. Этому способствовало создание Всероссийской Ассоциации КМНС и ее региональных отделений.

Сохранению в различной степени национальной культуры и родных языков способствует развитие традиционных занятий народов Севера. Не случайно именно у ненцев, особенно ямальских, сохранивших оленеводство как систему жизнеобеспечения, в большей степени по сравнению с другими народами сохраняются родной язык в быту, а также различные стороны их национальной материальной и духовной культуры, связанной с оленеводством.

В то же время у многих народов можно отметить многоуровневый характер идентичности – 1) общий этноним, 2) название по месту жительства – местности, речке, 3) название рода или патронимии, территориальной группы и др. Итак, имеют место, по выражению Тишкова, “множественные и взаимодополняющие” идентичности или

“множественные и многоуровневые идентичности в рамках российского народа” (Тишков 2005: 10–11). Привычной становится и общая идентификация – россияне.

В условиях ассимиляции, обрусения народов Севера, урбанизации их культуры, угасания традиционных хозяйственных занятий этнообразующим фактором все больше становится духовная культура и память об истории и культуре народа (о связи с землей, на которой они живут и на которой жили их предки), на чувстве Родины (Сирина 2005: 104), это отражается чаще всего в фольклоре. Народная память базируется на психологии народа, национальной ментальности (Этническая культура 1997: 36–59, 200–213), ценностных ориентациях. Психологический склад (характер, темперамент народа) основан на эмоциональной сфере, определенных стереотипах, символах культуры; ментальность – на представлениях о “картине мира” и культурных героях, религиозных и обрядовых установках и обычаях, поведенческих нормах; жизненные ценности или национальные приоритеты – на традициях коллективизма, взаимопомощи, складывающихся “на основе этнического общения или фактора формирования этнической культуры” (Этническая культура 1997: 25–27; 222–233, 237; Тишков 2005: 6, 8–9) и передающихся из поколения в поколение. Все вместе это составляет национальный дух или характер – “как наиболее яркое представление самоидентификации этноса” (Этническая культура 1997: 7, 234–252).

В постсоветское время, как и прежде, большую роль в общественном признании этнонимов играет работа ученых-этнографов (примеры селькупов, кереков, телеутов, уйльта)⁹. Таким образом, процесс становления и развития этнонимики сложен, многосторонен. В разное время одни и те же этнические общности обозначались разными именами.

Народ уйльта и их ближайшие соседи: попытки ликвидировать этнонимическую бессистемность

Вернемся к народам, близкородственным уйльта, окинем взглядом Приамурье, Приморье, Сахалин. Напомним, что нивхи и нанайцы сменили свое старое название (“гиляки” и “гольды”) на самоназвания, удэгейцы и орочи сохранили свой самоназвание. Ульчи и негидальцы, получив официальное оформленное в 1920–1930-х годах свое нынешнее название, не стали его менять (хотя самоназвание первых двух – *нани*, негидальцев – *элькан бэйэнин*, *элэкэм бэйэ*).

Почему же уйльта/ороки сумели сделать все возможное для того, чтобы уже в конце XX в. ввести в официальную практику нашего государства свой этноним, и как это им удалось?¹⁰ Есть общие с другими народами Севера причины: государственная национальная политика, связанная с наличием льгот, деятельность ученых, историческая память, ментальность, психологический склад, ценностные ориентации и др. Но следует выделить еще целый ряд оснований и явлений, объясняющих факт стойкого самоопределения народа в наше время.

Во-первых, это необычайное обилие в прошлом названий этого народа в быту и литературе, чего не было ни у одного из соседних народов, рассматриваемых в сравнительном плане. В литературе используются более 20 наименований, обозначающих уйльта (Миссонова 1996: 51–56): *орныр*, *тазунг*, *тозунг*, *уйлта*, *ульта*, *уйльта*, *уйрута*, *орок*, *орокко*, *ораката*, *ороцко*, *орокхо*, *оронгодохун*, *ульчар*, *додзин*, *улка*, *улька*, *орочоны*, *ольчи*, *орохко*, *орокес*, *ольча*, *ороксы*. Безусловно, некоторые приведенные наименования – это лишь результат разного звучания (произношения) одних и тех же этнонимов, но и их нужно учитывать, так как при их использовании в различных документах искажалась численность народа (например, при сводке статистических данных, при описании поселений, стойбищ). В каждом определенном случае чиновник находился в условиях выбора – какое из вышеназванных “написаний” отождествлять с национальностью этого народа, а какое можно отнести к другому народу. При этом

каждый руководствовался своей логикой отождествления, изменение одной буквы могло привести к отнесению человека не к своей этнической общности, а, например, к ороченам-тунгусам (т.е. эвенкам), к орочам или ульчам; были и единичные случаи отнесения к тазам. Подчас неразбериха с употреблением названий этого народа в научной литературе и публицистике (видимо, наравне с нежеланием чиновников вникать в этнографические термины) хоть не была преднамеренной, но невольно служила причиной несогласованного использования в государственных документах сразу нескольких названий в обозначении одного и того же народа. В результате представители уйльта учитывались в составе разных народов. В связи с этим обилием названий была постоянная (на протяжении более 100 лет) путаница, отнесение представителей уйльта к другим народам – орочам и др. (как это было, например, и у селькупов), а также неправильное отражение численности в переписях населения.

Другая причина – оленеводческий характер хозяйства и культуры уйльта и связанный с ним образ жизни. Они отличались этим от близкородственных соседних народов Амура и Сахалина. Оленеводство уйльта с конца XIX по начало XXI в. прошло три этапа развития, претерпев болезненные изменения под воздействием внешних политических, социально-экономических и этнокультурных условий. На первом этапе развития оленеводческий образ жизни народа развивался естественным путем, семейные оленеводческие хозяйства включались в систему родовых отношений. На втором этапе, в советский период, за короткий промежуток времени складывались коллективные оленеводческие хозяйства уйльта, которые разрушались столь же скоропалительно, как и сложились. На третьем (современном) этапе в северной группе народа получает свое развитие оленеводство в форме личного (семейного) хозяйства. Все нынешние оленеводы – выходцы из семей потомственных оленеводов уйльта, которые занимались оленеводством на протяжении практически двух веков (хотя и в разной форме хозяйствования). Они пытаются восстановить прежние принципы “обращения” с оленем; можно сказать, что в настоящее время начинается виток нового цикла развития оленеводческой культуры северной группы уйльта.

Существенно, что две группы уйльта имели общие названия (*орочоны, ороки* и пр.), в отличие, к примеру, от локальных групп у селькупов, чукчей, коряков и эскимосов. Важно отметить и компактное проживание интересующих нас групп на одной территории (чего не было, например, у селькупов, эвенков и др.). Отметим также крайнюю малочисленность народа, угрозу его растворения в иноязычной и иноэтничной среде (чукчам, корякам и эскимосам это не грозило с такой неотвратимостью).

Кроме административных и хозяйственных причин следует указать на сохранение языка уйльта. Пусть на нем не разговаривают ныне, но он продолжает жить в памяти поколений как основа их этнического самосознания, этнической идентификации.

Таковы причины, подвигнувшие представителей интеллигенции уйльта возродить язык из забвения и, если не вводить его в ежедневный обиход, то хотя бы овладеть им как достоянием их этнической культуры и как частью общечеловеческого прошлого. Современному поколению уйльта трудно понимать культуру своих предков (а интерес к этому возрастает в последние годы), не зная основ языка. Именно поэтому все чаще возникает необходимость издания учебных пособий, словарей, букваря уйльтинского языка. В настоящее время, как и десять лет назад (в конце советского периода), остро ставятся вопросы обучения детей уйльта родному языку, национальным промысловым навыкам и художественному творчеству. По данным Сахалинского областного комитета государственной статистики Госкомстата РФ, на начало 2000/2001 учебного года численность учащихся из числа народов Севера на Сахалине составляла 687 чел., из них 84 ульта/ороков и 514 нивхов. Изучали родной язык (факультативно или в кружках) всего 34 ученика, из них 19 ульта (и 15 нивхов). Родной язык уйльта как самостоятельный предмет в общеобразовательной школе вообще не изучается (137 нив-

хов изучают родной язык как школьный предмет) (Экономическое и социальное развитие 2001: 21).

Важным фактором в утверждении этнонима *уйльта* была уже упоминавшаяся выше паспортная политика на Сахалине (Соколовский 2004: 49–51), которая вносила большую путаницу: одно и то же лицо числилось и как “орок”, и как “орочен”. Отметим еще и рост самосознания с начала 1990-х годов, наиболее благоприятных для КМНС (начало “перестройки”, 1-й съезд КМНС). Все это способствовало утверждению на официальном уровне этнонима “**уйльта**” (**ульта**).

Разумеется, этот процесс утверждения этнонима в жизни еще не закончился. Кроме того, лингвистам и чиновникам надо договориться о правильном (единственном для официальной практики) этнониме. Дело в том, что, как уже отмечалось, исследователи (главным образом в советский период) называли раньше этот народ “ульта”, а не “уйльта”. Первый из указанных – термин, который фигурирует и в переписи 2002 г., хотя в научной лингвистической литературе используется именно второй. Необходимо также определить, как называть женщин, представительниц данного народа, как образовывать прилагательное от слова “уйльта” (уйльтинский или уйлтский – в литературе встречаются оба прилагательных).

Как в советский, так и в постсоветский периоды истории происходят серьезные трансформации (Кузнецов и др. 1991; Миссонова 1994; Андерсон 1998; Функ и др. 2000; Роон 2002), активно действующие на судьбу этнической общности, влияющие на право заниматься главной деятельностью в системе жизнеобеспечения данного народа. В итоге происходит потеря многих черт этнической культуры. Новые условия этносоциальной среды, однако, не приводят в начале XXI в. ни к физическому, ни к этническому исчезновению уйльта. В настоящее время можно наблюдать процесс укрепления самосознания народа уйльта, которое, возможно, в будущем будет играть восстановительную роль для нормальной жизнедеятельности общества.

Необходимо отметить, что на различных этапах всей истории уйльта находились и находятся сейчас в сильной зависимости от политики государства по отношению к основным сферам их жизнедеятельности. Ныне этнокультурная трансформация происходит не только под влиянием российского общества, но и в определенной степени (равно как и динамика жизни всего населения Сахалина) под влиянием американской и японской социально-экономической среды. Кроме того, следует обратить внимание на то, что южная группа уйльта попала под социально-экономическое и этнокультурное воздействие Японии еще в первой половине XX в. (во время губернаторства Карафуто).

Примечания

¹ Употребление этого наименования без “й” – ульта в исследованиях 1990-х годов объясняется тем, что в то время не завершился еще серьезный научный лингвистический анализ; его осуществил в результате кропотливого труда известный японский профессор Дз. Икегами, работавший над фонетикой уйлтинского языка на протяжении нескольких десятилетий (вначале на территории Японии, а затем на Южном и Северном Сахалине). Уйльта хорошо знают и очень уважают труд этого исследователя, создавшего недавно букварь уйлтинского языка. Профессор считает более правильным написание названия народа именно с “й”, и представители народа сейчас это подтверждают. Таким образом, после многолетнего изучения народа проф. Дз. Икегами (Икегами 1992: 5–10; Ikegami 1997) стало очевидным название – **уйльта** (различия *уйльта/уйльта/ульта* объясняются трудностью передачи русскими буквами звуков данного языка). Разнобой объясняется еще и тем, что в 1990-х годах люди считали правильным написание ульта без “й”, не придавая этому значения, лишь бы уйти от названия “орки” и “орочи”.

² О генетически родственных группах народов Севера см. монографию московского языковеда (Мусаев 1993: 120–131, 234–235).

³ В истории Сахалина можно выделить несколько периодов: период Российской империи, японского губернаторства Карафуту, советский и постсоветский периоды.

Начиная с 1858 г., а официально с 1869 г. – по положению Комитета об устройстве каторжных работ, утвержденному Александром II – о. Сахалин стал местом каторги и ссылки. В результате первой русской революции 1905–1907 гг. сахалинская каторга была закрыта.

После завершения русско-японской войны 1904–1905 гг. царским правительством был подписан Портсмутский договор (23 августа 1905 г.), согласно которому южная часть Сахалина (к югу от 50° с.ш.) отошла Японии. Губернаторство Карафуту просуществовало на территории Южного Сахалина с 1905 по 1945 г.

С апреля 1920 по май 1925 г. Северный Сахалин был оккупирован японскими войсками.

В октябре 1932 г. произошла реорганизация системы административно-территориального управления Дальневосточного края, в составе которого была образована Сахалинская обл. с центром в г. Александровске. Эта дата (20 октября 1932 г.) считается и датой образования нынешней области.

После завершения Великой Отечественной войны Южный Сахалин и Курильские о-ва стали частью Сахалинской обл. В феврале 1946 г. постановлением СНК СССР образована Южно-Сахалинская обл. с центром в г. Тойохара (в июне 1946 г. переименован в г. Южно-Сахалинск) в составе Хабаровского края. В январе 1947 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Южно-Сахалинская обл. была ликвидирована, ее территория вошла в Сахалинскую обл., которая была выделена из Хабаровского края и преобразована в самостоятельную область РСФСР с центром в г. Южно-Сахалинске. Подробнее об истории Сахалина см.: Миссонова 2003: 3–4.

⁴ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 25 октября 1926 г.

⁵ “Об утверждении Положения о кочевых советах в национальных округах и районах Северных окраин РСФСР” (Функ 1999: 118).

⁶ Приложение к приказу № 68 о целевом приеме в вузы Комитета по высшей школе Миннауки РФ (Функ 1999: 118).

⁷ Они в числе других народов Севера вошли в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, утвержденный Правительством РФ (Постановление от 24 марта 2000 г. № 255).

⁸ См.: Единый перечень...2000. Примеч. 17, хотя в нем камчадалы Магаданской обл. ошибочно отнесены к ительменам.

⁹ Особенно надо отметить деятельность в этом направлении В.В. Радлова, Б.О. Долгих, В.И. Васильева, В.В. Леонтьева, Е.П. Батьяновой, Д.А. Функа, А.И. Кузнецова, Л.И. Миссоновой, Дз. Икегами, Э.Л. Львовой, В.М. Кимеева, Л.Р. Павлинской, О.А. Мурашко (Дискуссия 2005: 40–43, 48 и др.).

¹⁰ Более подробно об истории идентификации уйльта см. др. публикации Л.И. Миссоновой по этой проблеме.

Источники и литература

- Алексеев 1994а – Алексеев Е.А. Кеты // Народы Сибири и Севера России в XIX веке (Этнографическая характеристика). М., 1994.
- Алексеев 1994б – Алексеев Е.А. Кеты // Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
- Андерсон 1998 – Андерсон Д.Дж. Тундровики. Экология и самосознание Таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998.
- Батьянова 1979 – Батьянова Е.П. Некоторые аспекты этнического самоопределения телеутов // Проблемы истории СССР. Вып. IX. М., 1979. С. 92–110.
- Батьянова 1995 – Батьянова Е.П. Алтайцы // Сибирь: этносы и культуры (Народы Сибири в XIX в.). Вып. 1. Москва; Улан-Удэ, 1995.
- Батьянова 1997 – Батьянова Е.П. Метаморфозы этнической самоидентификации (на примере телеутов) // Этническая культура: проблема самосохранения в современном контексте. Москва; Нальчик, 1997. С. 148–158.

- Батьянова, Горохов* 1994 – *Батьянова Е.П., Горохов С.Н.* Чуванцы // Народы России. М., 1994.
- Батьянова, Функ* 1994 – *Батьянова Е.П., Функ Д.А.* Телеуты // Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
- Бошняк* 1858 – *Бошняк Н.К.* Экспедиция в Приамурском крае (Экспедиция на Сахалин с 20 февраля по 3 апреля 1852 года) // Морской сб. Т. XXXVIII. № 12. СПб., 1858.
- Вайнштейн* 1961 – *Вайнштейн С.И.* Тувинцы-тодзинцы: Историко-этнографические очерки. М., 1961.
- Вайнштейн* 1994 – *Вайнштейн С.И.* Тофалары. Тувинцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
- Вайнштейн и др.* 1997 – *Вайнштейн С.И., Москаленко Н.П.* Тувинцы // Сибирь: этносы и культуры (Народы Сибири в XIX в.). Вып. 2. Москва; Улан-Удэ, 1997.
- Васильев* 1994 – *Васильев В.И.* Долганы. Ненцы. Селькупы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
- Всесоюзная перепись 1926 г. – Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XVII. М., 1929.
- Всесоюзная перепись 1979 г. – Малые народности Севера, Сибири и Дальнего Востока (Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г.) ЦСУ РСФСР. Южно-Сахалинск, 1979 г. 5 сентября.
- Всесоюзная перепись 1989 г. – Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Сахалинской области. Распределение населения по национальности, родному языку и второму языку народов СССР. М., 1989, Таблицы 9С и 10С; Словари национальностей и языков для кодирования ответов на 8 и 9 вопросы переписных листов (о национальности, родном языке и другом языке народов СССР) Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1988.
- Горохов* 1994 – *Горохов С.Н.* Эвенки // Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
- Горохов и др.* 1994 – *Горохов С.Н., Жорницкая М.Я.* Юкагиры // Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
- Госкомстат 2002 – Госкомстат Российской Федерации. 2002 // www.perepis2002.ru
- Гурвич* 1999 – *Гурвич И.С., Батьянова Е.П.* Чуванцы // Сибирь: этносы и культуры (Народы Сибири в XIX в.). Вып. 4. Москва; Улан-Удэ, 1999.
- Дискуссия 2005 – Специальная тема номера: Археология узбекской идентичности (отв. ред. – С.Н. Абашин) // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). 2005. № 1. С. 23–101.
- Долгих* 1952 – *Долгих Б.О.* Происхождение нганасанов // Сибирский этнографический сб. Вып. 1. М.; Л., 1952.
- Жорницкая и др.* 1997 – *Жорницкая М.Я., Мухамедьяров Ш.Ф.* Эвенки // Сибирь: этносы и культуры (Народы Сибири в XIX в.). Вып. 2. М.; Улан-Удэ, 1997.
- Икегами* 1992 – *Икегами Дэ.* История исследования языка уилта // Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина. Т. 2. Южно-Сахалинск, 1992.
- История* 1990 – История и культура ительменов: Историко-этнографические очерки. М., 1990.
- История* 1994 – История и культура ульчей в XVII–XX вв. СПб., 1994.
- Кочешков* 1994 – *Кочешков Н.В.* Эвенки. Эскимосы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
- Кузнецов* 1999 – *Кузнецов А.И.* Ульта (ороки) // Сибирь: этносы и культуры (Народы Сибири в XIX в.). Вып. 4. Москва; Улан-Удэ, 1999. С. 37–59.
- Кузнецов и др.* 1991 – *Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Ороки Сахалина: проблемы современного развития/Сер. “Исследования по прикладной и неотложной этнологии” Института этнологии и антропологии РАН. “Межнациональные отношения в СССР” Док. № 23. М., 1991.
- Лукьянченко* 1994 – *Лукьянченко Т.В.* Саамы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
- Ляпунова* 1987 – *Ляпунова Р.Г.* Алеуты. Очерки этнической истории. Л., 1987.
- Ляпунова* 1994 – *Ляпунова Р.Г.* Алеуты // Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
- Ляпунова* 1999 – *Ляпунова Р.Г.* Алеуты // Сибирь: этносы и культуры (Народы Сибири в XIX в.). Вып. 4. Москва; Улан-Удэ, 1999.

- Маевич* 1994 – *Маевич А.* Ороки в прошлом и настоящем // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск. 1994. № 2.
- Меновицков* 1959 – *Меновицков Г.А.* Эскимосы. Магадан, 1959.
- Миссонова* 1994 – *Миссонова Л.И.* Этническая среда как фактор трансформации этноса // Альманах “Российский этнограф”. № 19. Народы Сибири. М., 1994.
- Миссонова* 1995 – *Миссонова Л.И.* Межэтнические отношения на Сахалине: влияние этнической среды на трансформацию малочисленного этноса // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. М., 1995. С. 90–104.
- Миссонова* 1996 – *Миссонова Л.И.* Этнонимия ульта Сахалина // Имя и этнос. М., 1996.
- Миссонова* 2003 – *Миссонова Л.И.* Остров Сахалин: Современные проблемы жизнедеятельности ульта (ороченов)/Сер. “Исследования по прикладной и неотложной этнологии” Института этнологии и антропологии РАН. Док. № 162. М., 2003.
- Мурашко* 1999 – *Мурашко О.А.* Ительмены и камчадалы // Сибирь: этносы и культуры (Народы Сибири в XIX в.). Вып. 4. Москва; Улан-Удэ, 1999. (Пользуюсь случаем, чтобы извиниться перед автором в связи с тем, что авторство указанного раздела О.А. Мурашко не указано по чистой случайности по вине редактора. – З.С.)
- Мусаев* 1993 – *Мусаев К.М.* Языки и письменности народов Евразии (региона бывшего СССР). Алма-Ата, 1993.
- Народы* 1956 – *Народы Сибири* // Народы мира. М.;Л., 1956.
- Народы* 1964 – *Народы Европейской части СССР* // Народы мира. Ч. II. М., 1964.
- Озолия и др.* 2003 – *Озолия Л.В., Федяева И.Я.* Орокско-русский и русско-орокский словарь. Уйлта-Луча кэсэнн. Южно-Сахалинск, 2003.
- Патканов* 1906 – *Патканов С.* Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. I. Тунгусы собственно. Вып. 1/Зап. Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXXI. СПб., 1906.
- Патрушева и др.* 1994 – *Патрушева Т.М., Соколова З.П.* Шорцы // Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
- Петрова* 1967 – *Петрова Т.И.* Язык ороков (ульта). Л., 1967.
- ПМА 2003 – Полевые материалы автора. (Миссонова Л.И., экспедиция 2003 г., Сахалинская обл., Ногликский р-н, пос. Вал).
- ПП РФ 2002 – Постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2002 г. № 255 “О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации” (45 народов).
- РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (г. Владивосток). Ф. Р-2411. Оп.1. Д. 43. Л. 58, 61, 137.
- Роон* 2002 – *Роон Т.П.* Изменения в экономике коренных народов Сахалина в XX в. // Расы и народы. Ежегодник. Вып. 28. Отв. ред. З.П. Соколова, Д.А. Функ. М., 2002. С. 146–159.
- Северная энциклопедия 2004 – Северная энциклопедия. М., 2004.
- Сирин* 2005 – *Сирин А.А.* Кто такие камчадалы и почему ты – один из них? Государственная политика и проблемы формирования этнической идентификации камчадалов Магаданской области // В поисках себя. Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях. М., 2005.
- Смоляк* 1965 – *Смоляк А.В.* Южные ороки (Этнографические заметки) // Сов. этнография (далее – СЭ). 1965. № 5.
- Смоляк* 1975а – *Смоляк А.В.* О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторых проблемах этногенеза // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.
- Смоляк* 1975б – *Смоляк А.В.* Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1975.
- Смоляк* 1994а – *Смоляк А.В.* Нанайцы. Негидальцы. Ороки. Орочи. Удэгейцы. Ульчи // Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
- Смоляк* 1994б – *Смоляк А.В.* История и культура ульчей в XVII–XX вв. СПб., 1994.

- Соколова* 1961 – *Соколова З.П.* Об этнических процессах, протекающих у селькупов, хантов и эвенков в Томской области // СЭ. 1961. № 3.
- Соколова* 2004 – *Соколова З.П.* Об этническом составе коренного населения Севера Томской области // Этнологическая экспертиза. Народы Севера России. 1956–1958 годы. М., 2004.
- Соколова и др.* 1983 – *Соколова З.П., Туголуков В.А.* Старые и новые названия народов Севера // СЭ. 1983. № 1.
- Соколовский* 2004 – *Соколовский С.В.* Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004.
- Таксами* 1967 – *Таксами Ч.М.* Нивхи (Современное хозяйство, культура и быт). Л., 1967.
- Таксами* 1994 – *Таксами Ч.М.* Нивхи // Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
- Тишков* 2005 – *Тишков В.А.* О культурном многообразии // ЭО. 2005. № 1.
- Туголуков* 1970 – *Туголуков В.А.* Народ один – названий много // СЭ. 1970. № 5.
- Тураев и др.* 1994 – *Тураев В.А., Батьянова Е.П., Жорницкая М.Я.* Коряки // Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
- Функ* 1999 – *Функ Д.А.* Формирование новых этнических идентичностей у тюрков юга Западной Сибири в 1980-е – первой половине 1990-х годов (на примере бачатских телеутов) // ЭО. 1999. № 5.
- Функ и др.* 2000 – *Функ Д.А., Зенько Ф.П., Силланпяя Л.* Материалы по современной культуре и социально-экономическому положению северной группы уйльта // ЭО. 2000. № 3. С. 14–30.
- Хаховская* 2003 – *Хаховская Л.Н.* Камчадалы Магаданской области (история, культура, идентификация). Магадан, 2003.
- Хомич* 1995 – *Хомич Л.В.* Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб., 1995.
- Шаргородский* 1994 – *Шаргородский Л.Г.* Современные этнические процессы у селькупов. М., 1994.
- Шаховцов, Функ* 2000 – *Шаховцов К.Г., Функ Д.А.* О современных процессах формирования этнической самоидентификации у селькупов Томской области // Этнография народов Западной Сибири. СЭС. Вып. 10. М., 2000.
- Штернберг* 1933 – *Штернберг Л.Я.* Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск. 1933.
- Экономическое и социальное развитие 2001 – Экономическое и социальное развитие районов проживания коренных малочисленных народов Севера (1995–2000 гг.). Изд. Сахалинского областного комитета государственной статистики Госкомстата Российской Федерации. Южно-Сахалинск, 2001.
- Этническая культура 1997 – Этническая культура: проблема самосохранения в современном контексте. Москва; Нальчик, 1997.
- Ikegami* 1997 – *Ikegami J.* A dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin. Sapporo, 1997.
- Pilsudski's glossary* 1985 – Bronislav Pilsudski's Olchan-Polish glossary with English equivalents // Lingva Posnaniensis. 1985. № 27.

L.I. Missonova, Z.P. Sokolova. The Phenomenon of Stability of the Uilta Ethnic Identity in the Context of History of Ethnic Self-Designations among the Peoples of the North (the Late 19th – the Beginning of the 21st Centuries)

The authors discuss the causes of reemergence of the self-designation “Uilta” in the face of multiple changes in the life of this people over the past century (changes of the state regimes, collectivization, acculturation and assimilation processes, the loss of traditional modes of livelihood, language, and customs). In order to understand the phenomenon of stability of the Uilta ethnic identity, the authors make an attempt at comparison of cultural processes among the Uilta with those among other peoples of the Russian North.